

АНТИКОУЧИНГ

Дмитрий Мировпольский

КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ

ОТ ПРОЛОГА
ДО КУЛЬМИНАЦИИ

О НАЧАЛЕ НАЧАЛ

О БЕСТСЕЛЛЕРЕ

О ДЕНЬГАХ

О МАСТЕРСТВЕ

О СТИЛЯХ

О ЖАНРАХ

81 «ОШИБКА
ВЫЖИВШЕГО»

Дмитрий Владимирович Миропольский

Как не надо писать. От пролога до кульминации

Серия «Практический тренинг»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70052539

*Как не надо писать. От пролога до кульминации. / Дмитрий
Миропольский.: АСТ; Москва; 2024*

ISBN 978-5-17-160916-0

Аннотация

Антикоучинг – бесценный подарок для желающих создавать произведения художественной литературы.

Тысячи литературных коучей предлагают схемы: как НАДО писать, следуя за успешными авторами. Но ни один коуч не написал ни одного бестселлера, и ни один бестселлер в мире не написан по их шаблонам.

Дмитрий Миропольский – признанный мастер интеллектуальной прозы, автор историко-приключенческих романов-бестселлеров – подробно разбирает самые распространённые писательские ошибки. В его книге, построенной по законам классической драматургии, обобщён опыт множества знаменитых российских и зарубежных писателей, включая лауреатов Нобелевской премии...

...а главное, увлекательный экскурс в историю и практику мировой литературы показывает, что невозможно повторить чужой успех. Зато можно достигнуть собственного успеха, если научиться тому, как НЕ НАДО писать. Антикоучинг даёт каждому возможность стать автором по-настоящему хорошей книги.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	8
О книге	9
Что такое антикоучинг?	9
Что такое «ошибка выжившего»?	10
Зачем разбираться, как НЕ НАДО писать?	12
Что в итоге?	13
О писательстве	14
Как стать писателем?	14
Как пользоваться писательским инструментом?	15
Чему не учат коучи?	16
Что в итоге?	19
О понятиях и терминах	21
Что такое культура?	21
Что такое литература?	22
Кто такой автор?	24
Кому адресована эта книга?	26
Что в итоге?	28
Акт первый	30
О деньгах	31
Как это было у Пушкина?	31
Как это было у Чехова?	34
Как это было у других больших писателей	36

империи?

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Дмитрий Мировольский

Как не надо писать. От пролога до кульминации

Да будут прокляты те, кто раньше нас высказали наши мысли.

Элий Донат, IV век

Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное!

Козьма Петрович Прутков, XIX век

В основе творческого труда всегда лежит чувство протеста.

Пётр Леонидович Капица, XX век

– Пап! Кто такой Дмитрий Мамин-Сибиряк?

– Доченька, Дмитрий – это Мировольский.

Но лучше спроси у мамы, я всех её сибиряков не знаю.

Читательский анекдот, XXI век

Текст издаётся в авторской редакции

Издательство
АСТ

© Д.Миропольский, текст, 2024

© ООО Издательство АСТ, 2024

Пролог

В Древнем Риме трапезу начинали с яйца – *ab ovo*.

В Древней Греции похожая традиция существовала у литераторов. Больше двух тысяч лет назад римлянин Квинт Гораций Флакк заметил, что греки начинают рассказ о Троянской войне с яйца, из которого вылупилась прекрасная Елена. И постепенно ведут к тому, как её похищение превратилось в *casus belli* – повод к объявлению войны.

Во второй половине XIX века россиянин Василий Слепцов оставил недописанным роман «Хороший человек». По сюжету юного героя учили танцам. Он сбивался в одном и том же месте, и отец говорил с укором: «Ну, ступай опять к печке, начинай сначала».

Позже Антон Чехов писал в повести «Моя жизнь» об архитекторе: «Он обыкновенно чертил сначала зал и гостиную; как в былое время институтки могли танцевать только от печки, так и его художественная идея могла исходить и развиваться только от зала и гостиной».

Идея антикоучинга тоже берёт начало издавека, поскольку само писательство начинает складываться гораздо раньше, чем сложена первая фраза литературного произведения.

Придётся танцевать от печки.

О книге

Она написана по традиционной схеме: в пяти актах с прологом и эпилогом. Так древнегреческие драматурги строили свои трагедии и комедии.

Говорят, в Японии продаются леденцы со вкусом пустоты, которые не вызывают ощущений. В отличие от них, содержание этой книги обещает самые разные ощущения – трагедию для одних и комедию для других. За чтением кто-то всплакнёт, кто-то повеселится, а самыемышлёные намотают на ус некоторые практические соображения. В том числе и по поводу традиционных писательских схем...

...а поскольку Гораций под *ab ovo* имел в виду ещё и затянутое предисловие, самое время начать разбираться в предмете.

Что такое антикоучинг?

Это продолжение мысли философа Лао-цзы – тоже древнего, но китайского.

◁ *Когда всем в Поднебесной становится известно, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг дру-*

га, трудное и лёгкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются; звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом.

В классической логике тезис можно доказать через опровержение его противоположности – антитезиса. Приём называется «доказательством от противного». В этой книге противным – и особенно противным для коучей – выступает коллективный разум знаменитостей прошлого и настоящего.

Антикоучинг естественным образом опровергает коучинг, помогает миру вернуться в гармоничное состояние и удерживает авторов от «ошибок выжившего».

Что такое «ошибка выжившего»?

Это неудачный перевод на русский термин *survivor bias*, который означает предвзятое отношение к выжившим.

В 1944 году специалисты военно-морского аналитического центра США изучили повреждения самолётов, которые вернулись из боя, и рекомендовали усилить броню в наиболее пострадавших местах. Но математик Абрахам Вальд обратил внимание на то, что ни у одного вернувшегося самолёта не было серьёзных повреждений кабины или двигателей. Значит, именно уцелевшие места нуждались в дополнительной защите: если туда попадал вражеский снаряд, самолёт не

возвращался.

«Ошибка выжившего» возникает из-за предвзятости аналитиков, которые опираются на информацию лишь о благополучной группе, забывая об остальных. Своим открытием Вальд спас множество жизней и продолжает спасать до сих пор: его подход к анализу по-прежнему используется в самых разных областях.

Скажем, призыв литературных коучей – повторять шаги к успеху вслед за известными авторами – это стандартная **«ошибка выжившего» № 1**. Копирование чужого пути в лучшем случае ведёт в тупик, а в худшем – ломает психику и уничтожает личность.

Больше чем за два столетия, прошедших от зарождения русского романа во второй половине XVIII века до наших дней, знаменитых мастеров литературы наберётся немного. Это исключения...

...а правилом стала судьба тысяч их талантливых современников. Они пали жертвами «ошибок выжившего» и канули в безвестность, повторив судьбу самолётов, которые не вернулись из боя. Поэтому тот, кто ищет себя в литературе, анализирует прежде всего не успехи других писателей, а причины неудач.

Зачем разбираться, как НЕ НАДО писать?

«Бойтесь единственно только того, кто скажет: "Я знаю, как надо"», – призывал поэт и бард Александр Галич.

Со времён древнего римского права существует установка: что не запрещено, то разрешено. Точнее, *ubi jus incertum, ibi nullum* – если закон не сформулирован, то закона нет.

Коучи уверяют, что следование правилам даёт гарантию писательского успеха, но это – «**ошибка выжившего**» № 2.

Формулировка того, как **надо** писать, ограничивает автора множеством запретов и вяжет по рукам и ногам.

Если бы Фёдор Достоевский, Лев Толстой и Михаил Булгаков писали, как **надо**, их романы были бы построены по единой схеме и представляли собой универсальную матрицу, наполненную однотипными событиями и персонажами. Но вряд ли кто-то перепутает «Преступление и наказание» с «Анной Карениной» или «Мастером и Маргаритой». Три совершенно разных автора, каждый по-своему, написали три совершенно разные книги, хотя в основе сюжетов – один и тот же ход: герои сознательно противостоят обществу, нарушают границы дозволенного и несут ответственность за свои поступки.

Формулировка того, как **не надо** писать, лишь оберегает автора от явных промахов и оставляет ему безграничный

простор для творческого манёвра, для формулирования собственных законов...

...а про коучей сказано у того же барда: «Гоните его! Не верьте ему! Он врёт! Он не знает – как надо!»

Что в итоге?

Можно уже назвать первые – в порядке перечисления, а не значимости – **«ошибки выжившего»**:

№ 1 – пытаться повторить шаги к успеху вслед за известными авторами;

№ 2 – верить в то, что следование строгим правилам даёт гарантию писательского успеха.

Также можно перечислить первые рекомендации для чувствующих разницу между литературой и составлением текстов.

Не надо писать, копируя других: в литературе каждый автор индивидуален и для начала хорош уже своей индивидуальностью.

Не надо писать по шаблонам: в литературе важна свобода творческого манёвра и возможность формулировать собственные законы письма.

О писательстве

В толковом словаре Дмитрия Ушакова сказано: «Писатель – человек, пишущий литературные произведения». Пусть так, хотя формулировка небесспорна.

Как стать писателем?

Запросто.

Британский литератор Ивлин Во между делом обмолвился: «Написать роман может каждый, если дать ему шесть недель времени, карандаш, бумагу и убрать телефон и жёну».

О результатах такого творчества знаменитый прозаик деликатно умолчал. А в этом состоит **«ошибка выжившего» № 3**: мало кому под силу написать что-то стоящее даже в тепличных условиях. Правда, ещё больше ошибается тот, кто ведёт себя, как персонаж анекдота:

◁ – *Вы умеете играть на скрипке?*

– *Не знаю, не пробовал.*

«Никто не знает своей силы, пока не попробует», – говорил то ли Иоганн Вольфганг фон Гёте, то ли персонаж сериала «Остаться в живых». Придётся взять инструмент и по-

пробовать, чтобы узнать наверняка.

Как пользоваться писательским инструментом?

Научить этому берётся любой коуч – в два счёта за три часа на четырёх занятиях. Правда, и здесь есть проблема, которую обозначил старейшина мировой политики Генри Киссинджер: «Девяносто процентов политиков портят репутацию остальных десяти процентов».

У коучей другой баланс. Не девять из десяти, а девятьсот девяносто девять из тысячи приводят свою паству к **«ошибке выжившего» № 4**, когда профессия подменяется самодетельностью – с предсказуемым результатом. Антикоучинг направлен против этих девятисот девяноста девяти: лишь тысячный коуч достоин звания Учителя.

В лучшем случае на коучинге удастся приобрести писательский инструмент. Но владелец разводного гаечного ключа – ещё не сантехник; обладатель даже лучшей в мире скрипки – далеко не скрипач, и обезьяна с гранатой – никакой не воин.

Инструмент и знание теории нужны для успеха в любом деле. Но если бы всё было так просто, книжный рынок захлестнула бы волна успешных профессиональных писателей. А много их выпустили коучи? Найдётся хоть один серьёзный профессионал среди массовой продукции коучин-

га? Или, может быть, сами коучи готовы похвастать заметными писательскими достижениями?

В реальности современный коучинг лишь делит жертв литературного зуда на тех, кто потратились на коучей, и тех, кто сохранили деньги для чего-то более полезного.

Чему не учат коучи?

Тому, как **не надо** писать...

...хотя начинающим литераторам обязательно стоит держать в голове два соображения.

Не надо писать так, будто всё, что важно и очевидно для автора, настолько же важно и очевидно для читателей: это «**ошибка выжившего**» № 5. Темы, которые волнуют одних, оставляют безразличными других. Не все доводы и логические построения очевидны для всех.

Российский математический гений XIX века Пафнутий Чебышев в конце 1870-х читал в Париже лекцию «О новых принципах моделирования одежды». К началу выступления мировой знаменитости гламурная публика заполнила даже проходы зала и оскорбилась после первой же фразы: «Для простоты предположим, что человеческое тело имеет форму шара». Толпа возмущённых слушателей схлынула, так и не услышав тончайших рассуждений Чебышева «об аналитическом расчёте развёрток плотно облегающих оболочек из ткани для различных поверхностей». Аудитория оказалась

неподготовленной.

В середине 1990-х литературный критик и энтузиаст Виктор Топоров полгода искал скромную сумму на издание антологии поэтов Петербурга, хотя состоятельных людей в городе хватало.

Когда книга всё же вышла из печати, Топоров намекнул спонсорам, что по такому случаю полагается устроить презентацию с фуршетом. Спонсоры спросили: «Сколько?» – и выдали деньги. Стоимость издания антологии примерно соответствовала затратам на застолье, но первый платёж обсуждался многие месяцы, а второй – всего пару минут.

Для максимального эффекта необходимо говорить с аудиторией на тему, которая ей близка и понятна. Топоров вооружился новым опытом и несколько лет спустя, в начале 2000-х, основал премию «Национальный бестселлер» с внушительным призовым фондом от спонсоров.

Язык тоже должен быть близким и понятным читателю, но есть важный нюанс.

Не надо писать так, будто одни и те же слова значат для всех одно и то же. Любой текст производит на разных читателей разное впечатление: каждый видит в нём что-то своё. Забывать об этом – **«ошибка выжившего» № 6.**

В 1901 году, вскоре после создания Московского Художественного театра, Константин Станиславский поставил на его сцене пьесу Чехова «Три сестры». Потрясённые зрители спорили о новаторской драматургии, о психологизме, о

режиссуре, о перевоплощении актёров и о других причинах оглушительного успеха спектакля. Но всех интеллектуалов заткнул за пояс юный курсант-артиллерист Лешков:

«Мы высоко ценим постановку Станиславского за то, что в последнем акте при уходе артиллерийской батареи он сумел воспроизвести за кулисами цоканье копыт по мостовой и характерное, в своём роде единственное треньканье хоботовых колец орудий на шкворне передка.»

Кому что.

Лис, персонаж самой известной книги Антуана де Сент-Экзюпери, показывал Маленькому принцу зреющую в поле пшеницу со словами:

«Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля мне ни о чём не говорят. И это грустно.»

Грустно – не то слово.

Любые методические пособия из разряда «Как правильно читать классиков» или «Как правильно писать книги» – ущербны, поскольку строятся на ущербных правилах. Родственную мысль в начале XX века развивал автор историй о Ктулху, создатель отдельного литературного жанра Говард Лавкрафт:

«Если бы религия была правдой – её последователи не

вбивали бы её насильно в головы детей, а лишь наставляли бы их на неуклонный поиск истины, вне зависимости от её соответствия традициям или практической пользы.

Литературный коучинг – подобие современной религии, которую интересуют лишь соответствие традициям и практическая польза для её жрецов – коучей.

Оскар Уайльд объяснил, почему невозможно установить для всех единые правила, как **надо** читать и писать. «Я отвечаю за то, что говорю, но не отвечаю за то, что вы слышите», – изящно высказался он, а Владимир Маяковский рубанул сплеча: «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин». Так уж повелось: говорим одно, а подразумеваем другое...

...в том числе и поэтому читателю зачастую сложно понять писателя. Но разговор о необходимости кропотливого подбора слов ещё впереди.

Что в итоге?

Следующие **«ошибки выжившего»**:

№ 3 – надеяться, что в тепличных условиях обязательно удастся написать нечто достойное;

№ 4 – подменять профессиональную работу самодеятельностью;

№ 5 – писать так, будто всё важное и очевидное для автора

настолько же важно и очевидно для читателей;

№ 6 – писать так, будто одни и те же слова значат для всех одно и то же.

Не надо писать в надежде на писательский инструмент, полученный от коуча: даже лучшая скрипка не превращает своего владельца в скрипача.

Не надо писать так, будто вещи, очевидные для автора, настолько же очевидны для читателя: сперва предстоит сделать их очевидными, а для этого – поделиться своим знанием.

Не надо писать так, будто автор с читателями одинаково переживает за одно и то же: сперва придётся достичь сопереживания.

Не надо писать так, будто одни и те же слова имеют один смысл для всех: любой текст в каждом конкретном случае производит разное впечатление – каждый читатель видит в нём что-то своё.

О понятиях и терминах

Это разные сущности.

Понятие даёт самое общее представление о предмете, а термин в идеале имеет единственное и строго определённое значение.

Понятие объединяет предметы и относится к области познания, а термин – разграничивает и относится к области классификации.

Формулировка «писатель – человек, который пишет литературные произведения» может быть как понятием, так и термином. Она может помочь проникнуть в суть писательства, а может просто классифицировать вид деятельности.

Антикоучинг не приветствует наукообразие, но синхронизировать основные понятия и термины всё же придётся.

Что такое культура?

Лауреат литературной Нобелевской премии Томас Манн требовал следить за смыслом слов и не путать культуру с цивилизацией:

◁ Культура – это вовсе не противоположность варварства; часто это лишь стилистически цельная дикость.

Культурой могут быть магия, педерастия, чёрные мес-

сы, человеческие жертвоприношения, инквизиция, аутодафе, пляска святого Витта, сожжение ведьм и т. д.

Цивилизация – это разум, просвещение, смягчение нравов, одомашнивание и скептицизм.

Не надо писать так, чтобы под культурой понималось что-то ещё, кроме цивилизации в её различных формах. Но было бы **«ошибкой выжившего» № 7** не писать о проявлениях стилистически цельной дикости. Настоящая литература как раз и показывает отличие варварской псевдокультуры от подлинной цивилизации. Хрестоматийный пример – столкновение этих противоположностей в романе нобелевского лауреата Уильяма Голдинга «Повелитель мух».

Что такое литература?

Мудрецы больше двух с половиной тысяч лет обсуждают мысль о том, что мир, который окружает человека, – это сумма рассказанных историй.

В самом деле, на личном опыте основывается лишь мизерная часть представлений о действительности. Главным образом они получены от бесчисленных рассказчиков – родителей, педагогов, друзей, супругов, писателей, журналистов, телевизионных и радиоведущих, блогеров, случайных и неслучайных собеседников, – то есть от окружения в самом широком смысле. Человек сизмальства, буквально с момен-

та появления на свет существует в литературной среде...

...но рассказ рассказу рознь. Современный философ Юрген Хабермас предлагал считать литературой лишь текст, который достоин быть рассказанным. А достоинство оценивал по тому, как в тексте проявляется опыт, способный служить примером: может ли он быть отделён от контекста и разработан дальше.

Не надо писать книгу, которая ничему не учит, никак не изменяет читателя и ничего не прибавляет к его опыту. Человек умный пожалеет времени на такое чтение. Автору тоже стоит поискать себя в другой профессии, если только он не мечтает стать кумиром дегенератов, но это – **«ошибка выжившего» № 8** для того, кто хочет заниматься именно литературой.

Философ Жак Деррида продолжил рассуждения Хабермаса. Особенность письменной формы в том, что она делает текст независимым – от контекста, от автора, от адресата... Вдобавок записанный рассказ приобретает уникальное свойство: его всегда можно перечитать.

◁ Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату. А тебе, я вижу, это не любо. Если бы тебе было любо, то ты вырвался бы из-под людских глаз и пришёл. Может быть, я тебя по своему неразумию задела, но если ты начнёшь надо мною насмехаться, то суди тебя

бог и я, недостойная.

Эту трогательную записку и другие новгородские берестяные грамоты учёные перечитывают спустя тысячу лет. «Даже после смерти всех разумных существ письмо сохраняет возможность повторного чтения», – утверждал Деррида и договорился до того, что «каждая графема по своей сути имеет характер завещания».

Не надо писать, как персонаж комедии Николая Гоголя: «Думаю себе, пожалуй, изволь, братец! И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях». Автору стоит помнить, что пишет он в некотором роде собственное завещание, – и не торопиться, пускай даже в ущерб необыкновенной лёгкости.

Впрочем, пафос теоретиков Хабермаса и Дерриды снизил практик, лауреат Нобелевской премии Жан-Поль Сартр: «Мир прекрасно обошёлся бы без литературы; ещё лучше он обошёлся бы без человека».

Кто такой автор?

«Латинское *auctor* происходит от глагола *augere* – увеличивать, умножать», – утверждал знаток античности Ян Парандовский, возводя звание «автор» к почётному титулу военачальников, которые расширяли своими победами границы Древнего Рима.

Не всякий пишущий и уж точно не составитель сонника достоин именоваться литературным автором. Для этого положено завоевывать новые интеллектуальные и эмоциональные пространства и взойти на ещё не покорённые вершины духа.

Более того, автор живёт сразу в двух измерениях времени. Одно время отсчитывают часы на экране его смартфона или на мониторе компьютера, на стене или на запястье. Второе время творит он сам, создавая свою собственную Вселенную, населяя её персонажами и придумывая сюжеты из их жизни. Тут уже не отделаешься пренебрежительной репликой булгаковского персонажа: «Подумаешь, бином Ньютона!» Тут дело серьёзное.

Не надо писать влёгонькую, но не в смысле лёгкости прочтения написанного, а в смысле, который имел в виду Михаил Жванецкий: «Об этом не хочется говорить, потому что легко говорить». У настоящего автора с читателем разговор непростой и глубокий.

Тому, кто стремится к литературным лаврам, для начала стоит выслушать подлинного мастера – писателя и философа Рэя Брэдбери:

«Не важно, что именно ты делаешь, важно, чтобы всё, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нём оставалась частица тебя самого. В этом разница между человеком, просто стригущим траву на лужайке, и настоящим садовником.

Не надо писать, как все; не надо умножать и без того запредельное количество тусклых, безликих, однообразных текстов, созданных по шаблонам коучей...

...хотя всегда можно утешить себя глумливой фразой Чехова насчёт графоманов:

«Стать писателем очень нетрудно. Нет того уroda, который не нашёл бы себе пары, и нет той чепухи, которая не нашла бы себе подходящего читателя.»

Каждый сам выбирает ориентиры и степень сложности решаемых задач. Каждый сам выбирает, кем становиться в литературе: пишущим уродом, который нашёл такого же читателя, – или настоящим садовником, который изменяет и украшает мир.

Кому адресована эта книга?

В предисловии к одному литературному переводу критик Виссарион Белинский писал:

«Книга народная, для всех доступная, способная удовлетворить и самого привязчивого, глубоко учёного человека, и простолюдина, ничего не знающего.»

«Антикоучинг» тоже для всех доступен и может пригодиться всем – от блогеров и копирайтеров до сочинителей повестей и романов...

...но писать книгу для всех – **«ошибка выжившего»**
№ 9. «У всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой свиной хрящик», – утверждали сатирик Михаил Салтыков-Щедрин и драматург Александр Островский. Их поддерживает народная молва: «Кто любит попа, кто попадью, кто попову дочку».

На всех не угодишь. Читателем книги в конце концов становится тот, кому она действительно нужна; тот, кто хочет узнать что-то новое и не боится похрустеть мозгами; кто готов пройти с автором от первой до последней страницы; кого устроят стиль, слог и манера изложения, а главное – смыслы, заключённые под обложкой.

«Всё должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще», – рекомендовал Альберт Эйнштейн.

Объяснять очевидные вещи – напрасный труд: умному не надо, дураку бесполезно, а влюблённому в собственную точку зрения – бессмысленно...

...и всё же стоит попытаться, помня замечание Маяковского: «Дыра в ушах не у всех сквозная – другому может запасть».

Что в итоге?

Ещё несколько «**ошибок выжившего**»:

№ 7 – писать так, чтобы под культурой понималась не цивилизация в её различных формах, а что-то другое;

№ 8 – писать для массы примитивных читателей, если хочется заниматься настоящей литературой;

№ 9 – писать для всех читателей сразу.

Не надо писать так, чтобы ценности цивилизации подменялись варварской псевдокультурой.

Не надо писать книгу, которая ничему не учит, никак не изменяет читателя и ничего не прибавляет к его опыту.

Не надо писать поспешно, даже если возникает необыкновенная лёгкость в мыслях: «Служенье муз не терпит суеты», – предупреждал Пушкин.

Не надо писать того, о чём настоящему писателю не хочется говорить, потому что слишком легко говорить.

Не надо писать, как все: это лишь умножит и без того запредельное количество тусклых, безликих, однообразных текстов.

Не надо писать, пытаясь угодить всем: у каждого автора непременно найдутся свои читатели.

«Господа, сегодняшней вечер – великий пролог к новой исторической пьесе», – говорил персонаж пьесы Михаила Булгакова «Дни Турбиных»...

...а здешним прологом, начатым в древнегреческой традиции *ab ovo* или в старой русской – *от печки*, открываются рассуждения о пути автора к созданию по-настоящему хорошей книги.

Акт первый

Экспозиция

Остроумец Франсуа Рабле писал против правил – так **не надо** было писать в эпоху Ренессанса. И как раз поэтому его сочинения, изумлявшие современников, сделались одной из основ современной европейской литературы.

Среди множества рискованных пассажей в сатирическом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» можно встретить и такую:

«Отказавшись от длинных предисловий и подходов, коими обыкновенно пользуются заядлые постники, не вкушающие мяса, и воздыхатели, довольствующиеся созерцанием предмета страсти, в один прекрасный день он прямо ей объявил:

– Сударыня! Это было бы в высшей степени полезно для страны, приятно для вас и почётно для всего вашего рода, а мне требуется всего лишь ваше согласие от меня зачать.

Антикоучинг прост и откровенен, как персонаж Рабле, поэтому первым делом разрушает иллюзии, начиная с главной.

О деньгах

Коучи уверяют, что даже новичок, научившийся писать, как **надо**, вскоре получит золотые горы. Это «**ошибка выжившего**» № 10. Застарелое заблуждение родом из XIX века, когда финансовых успехов добивались, к примеру, Пушкин и Чехов. Соблазнительно примерить на себя их лавры в литературе, но что касается гонораров...

Как это было у Пушкина?

Потомок старинного дворянского рода, обладатель бойкого пера, Александр Сергеевич Пушкин считается первым российским профессиональным литератором. Исследователи утверждают, что за семнадцать лет писательства ему выплатили гонораров на 255 180 рублей ассигнациями, в среднем по 15 000 рублей в год. Много это или мало?

Для сравнения: выпускник Царскосельского Лицея, определённый в Коллегию иностранных дел, коллежский секретарь Пушкин получал 700 рублей в год, как и другие чиновники X класса по Табели о рангах.

Современники считали, что достойно содержать семью в столичном Санкт-Петербурге может чиновник на должности не ниже директора департамента, получающий 6 000 рублей в год (3 000 рублей жалованья и 3 000 так называемых сто-

ловых).

Пять рублей – цена первого издания романа «Евгений Онегин» целиком в одной книге. За сотню крымских устриц тогда спрашивали по восьми рублей, за сотню английских – по двенадцати. От восьми до двенадцати рублей стоила бутылка шампанского «Вдова Клико» или «Моёт»; за четыре рубля продавали бутылку мадеры. Немец-коммерсант при­смотрел в поэме «Бахчисарайский фонтан» строку «Яснее дня, чернее ночи» – и за невероятные пятьдесят рублей купил её у Пушкина для рекламы обувной ваксы.

Сам поэт в стихотворном разговоре с книгопродавцем об­молвился:

*Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы...*

Книгопродавец не стал возражать:

*Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наши век – торгаши; в сей век железный
Без денег и свободы нет...*

Чуть дальше он продолжает:

*Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продаётся вдохновенье,
Но можно рукопись продать.*

И поэт с готовностью соглашается:

*◁ Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.*

Пушкин любил прихвастнуть: «Я живу только с дохода от тридцати шести букв алфавита»...

...но при этом на пару с отцом регулярно перезакладывал в Опекунском совете тысячу крепостных – по десять целковых за душу. Сделавшись за пять лет до смерти камер-юнкером, уже в этом придворном ранге Пушкин взял из казны ссуду в 30 000 рублей, которую так и не вернул. Николай Первый распорядился платить ему ежегодное жалованье – 5 000 рублей, половина которых уходила на оплату двенадцатикомнатной квартиры с помещениями для двух десятков слуг, каретным сараем и дровами. После смерти Пушкина вдова и четверо малолетних детей получили в наследство долги почти на 140 000 рублей, целое состояние. Неподъёмную сумму выплатил император из личных денег.

В подобных случаях принято говорить: по доходам и расходы. Только расходы Александра Сергеевича оказались ощутимо больше доходов.

Как это было у Чехова?

Внук крепостного крестьянина, выкупившего себя с семьёй на волю, Антон Павлович Чехов к началу XX века был одним из самых дорогих российских писателей: ему платили до 1 000 рублей за один печатный лист, то есть за шестнадцать книжных страниц...

...но в двадцать три года, начиная литературную деятельность, он получал скромный оклад – 100 рублей в месяц – и жаловался: «Нет сил переменить свой серенький, неприличный сюртук на что-либо менее ветхое».

На пятом году писательства Чехов заставил издателей повысить гонорар втрое – с пяти копеек за строку до пятнадцати. Это далось дорогой ценой:

«В «Газету» я писал, но через силу, поневоле, чтоб не заставить свою фамилию жить на чужой счёт, писал мерзко, неуклюже, проклиная бумагу и перо. Будь у семьи деньги, я, конечно, не писал бы и туда.

И ещё:

«Душа моя изныла от сознания, что я работаю ради денег и что деньги центр моей деятельности. Ноющее чувство это вместе со справедливостью делают в моих глазах писательство моё занятием презренным, я не уважаю того, что пишу.

Вот как **не надо** писать, по точному и беспощадному мне-

нию мастера.

В тридцать два года Чехов, уже известный всей читающей России, купил имение Мелихово с поместьем в 213 десятин земли – это 23 200 соток или 324 футбольных поля – за 14 000 рублей...

...только денег таких у него не было. «Уплачено продавцу-художнику наличными 4 000 и закладною в 5 000 по 5 % на десять лет. Остальные 4 тысячи художник получит из земельного банка, весною, когда я заложу имение в оном банке. Видите, как выгодно! Через 2–3 года у меня будет 5 000, и я погашу закладную, и останусь при одном только 4-тысячном банковском долге, но извольте-ка прожить эти 2–3 года, шут возьми! Дело не в процентах – их немного, меньше 500 в год, – а в том, что всё время обязан думать о сроках и о всякой гадости, присущей долговым обязательствам».

В тридцать пять лет Чехов признавался: «Деньги нужны адски. Мне нужно 20 000 годового дохода, так как я уже не могу спать с женщиной, если она не в шёлковой сорочке».

В тридцать девять лет Антон Павлович продал издателю Марксу права на все свои произведения, кроме пьес, – уже написанные и те, что ещё предстояло написать. Издатель заплатил 75 000 рублей. «Расчёт мой таков: 25 000 на уплату долгов, на постройку и проч., а 50 000 отдать в банк, чтобы иметь 2 000 в год ренты», – радовался Чехов...

...но четыре года спустя, за год до смерти он писал: «Денег совсем нет. От марксовских 75 000 осталось одно непри-

ятное воспоминание... Тогда 75 000 казались мне неисчерпаемым богатством... Теперь, если бы не гонорар за пьесы, мне совсем нечего было бы есть!»

При всех различиях с Пушкиным, у Чехова тоже расходы не по доходам. Правда, под самый конец он выиграл битву с безденежьем – трудясь, как ломовая лошадь, и зная, что неизлечимо болен туберкулёзом. Мелихово было продано в рассрочку ради переезда в Крым, где легче дышалось. Так Чехов добавил себе пару лет жизни, но, поскольку привык считать каждую копейку, – заблаговременно и аккуратно распределил между ближайшими родственниками 18 000 рублей, дачу в Ялте, дачу в Гурзуфе и доходы от всего написанного за двадцать лет.

Золотых гор самый дорогой писатель России на рубеже XIX–XX веков так и не нажил.

Как это было у других больших писателей империи?

Достаточно тринадцати характерных примеров того времени, которое называют «золотым веком» российской литературы.

Василий НАРЕЖНЫЙ

Родоначальник жанра российского бытового романа и первый отечественный писатель-реалист после учёбы стал

чиновником при правителе Грузии, а дальше перебрался в столичный Петербург и служил всю жизнь: в министерстве внутренних дел, в горном ведомстве и военном министерстве. Ни десяток произведений, благосклонно принятых читателями, ни замечательный во многих отношениях авантюрный роман «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» не позволили Василию Трофимовичу прокормиться литературным трудом.

Иван ЛАЖЕЧНИКОВ

Один из основоположников российского приключенческого романа начинал службу в московском архиве Иностранной коллегии и канцелярии генерал-губернатора Москвы. После участия в войне с Наполеоном и в штурме Парижа руководил образовательными учреждениями Казани, Пензы и Твери, был тверским и витебским вице-губернатором, служил в Санкт-Петербурге в цензурном комитете... Литературной деятельностью Иван Иванович занимался полвека и прослыл одним из самых патриотичных российских писателей, но даже эпохальный историко-приключенческий роман «Ледяной дом», потрясший современников и до сих пор производящий сильное впечатление, не освободил его от необходимости зарабатывать службой. В завещании Лажечникова сказано: «Состояния жене и детям моим не оставляю никакого, кроме честного имени, каковое завещаю и им самим блюсти и сохранять в своей чистоте».

Иван КРЫЛОВ

Знаменитейший российский баснописец был одним из немногих, кто пытался зарабатывать именно литературой. Прослужив некоторое время канцеляристом и чиновником провинциального казначейства, он переехал в Петербург и пробовал силы как поэт, либреттист и скрипач; издавал художественные журналы, владел типографией...

...но всё же пришлось Ивану Андреевичу воротиться на государственную службу. Даже будучи автором популярнейших басен и успешных театральных пьес, последние три десятилетия жизни он служил в библиотеке. Гонорары приносили неплохой доход, но состояние, завещанное Крыловым внебрачной дочери, – результат выслуги годового жалованья и пенсии в 11 700 рублей, а не литературных заработков.

Журнал «Русская старина» полвека спустя опубликовал анекдот, понятный в первую очередь знатокам центра Петербурга:

«Одно лето императорская фамилия жила в Аничковом дворце. Крылов, как известно, жил в доме Императорской публичной библиотеки, в которой занимал должность библиотекаря. Однажды государь встретил Крылова на Невском.»

– А, Иван Андреич! Каково поживаешь? Давно не виделись мы с тобою, – сказал император.

– Давненько, ваше величество, – отвечал

баснописец, – а ведь, кажись, соседи.

Крайняя строгость Николая Первого к чиновникам хорошо известна. Каким бы талантливым литератором ни был Крылов, – расположение государя и тем более право шутить со своим благодетелем он мог только выслужить, но не выписать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.